

Долго молчавшая Тан Линъи, услышав, что они сменили тему, изящно улыбнулась и медленным голосом сказала:

— Тогда сегодня я расскажу вам историю о великом генерале, который много лет терпел, и о его воинах. Я услышала эту историю в детстве. В ней рассказывается о великом генерале из крестьян, вся его семья погибла, и он много лет терпел, чтобы найти правду. Наконец-то он стал великим генералом, но в это время пришло известие, что его семья... вдруг снова ожили.

Все затаили дыхание и тихо слушали рассказ Тан Линъи, боясь пропустить хоть что-то. Чжэн Цзюньсинь была особенно увлечена, в самых интересных местах она даже хлопала в ладоши и аплодировала.

Они болтали долго, уже близился к закату, и Тан Линъи с Чжэн Цзюньсинь встали, чтобы отправиться в обратный путь. Расторопные жители деревни подарили им много еды: свинину, говядину, рыбу, домашнюю ветчину, квашеную капусту, фрукты и так далее — они едва могли это унести. Они несли всё это в горную усадьбу, а вечером отлично поели.

Наевшись досыта, Чжэн Цзюньсинь поддерживала живот и громко отрыгнула:

— Оказывается, жизнь сестры Тан такая, как здесь? Как хорошо, я даже уходить не хочу.

Последнюю фразу она сказала тихонько. Тан Линъи обмахивалась двусторонним веером и никак не отреагировала.

Чжэн Цзюньсинь снова заговорила:

— Сестра Тан, ты умеешь готовить?

Тан Линъи ответила, что умеет.

Чжэн Цзюньсинь сказала:

— Сестра Тан, должно быть, готовит очень вкусно.

Тан Линъи мягко улыбнулась:

— Не скажу, что очень вкусно, просто можно есть. Только сейчас, когда я ослепла, не могу готовить лично.

Услышав это, Чжэн Цзюньсинь вспомнила чёрные глаза сестры Тан, которые всё ещё казались тёмными на солнце. Она сжала кулачки и с обидой сказала:

— Сестра такая хорошая человек, а эта собачья тварь навредила сестре!

Она явно только что научилась этому и ещё не до конца освоила, отчего выходило очень смешно. Чжэн Цзюньсинь не понимала, над чем смеются, и тоже хи-хи-хи смеялась вместе со всеми.

Тан Линъи знала, что хотя Чжэн Цзюньсинь говорила детским голосом, её реальный возраст, должно быть, был примерно таким же, как у неё. Но Чжэн Цзюньсинь была слишком мягкой и слабой, и Тан Линъи действительно не могла воспринимать её как сверстницу, скорее как младшую сестрёнку.

Она остановилась и поправила, как её называть:

— В будущем зови меня просто по имени, не называй сестрой, мы почти ровесницы.

Чжэн Цзюньсинь подумала немного и сказала:

— Эм... эм... Тогда я могу звать тебя А-Лин?

— Можно.

— Хи-хи! А-Лин!

— А-Лин! А-Лин! А-Лин!

— Ага.

*

Когда ослепнешь, любое дело делать трудно, но Тан Линъи не хотела легко отбрасывать то, чему училась более десяти лет — цинь, ци, шу, хуа, не из-за привычки, а потому что любила это.

За год, когда её заперли во дворе Лин резиденции Тан, она, помимо того что каждый день привыкала к темноте и отучалась от солнца, также пыталась на ощупь заниматься цинь, ци, шу, хуа, тренируясь по памяти и ощущениям, а Хунмэй помогала ей проверять.

За год, если не сказать, что она вернула прежнее мастерство времен до потери зрения, прогресс был огромным.

Потому что после прихода Чжэн Цзюньсинь ей нужно было arranging людей заботиться о её еде и быте, с одной стороны, и разыскивать новости о её семье, с другой. Чжэн Цзюньсинь в начале была слишком липкой, так что времени взять кисть почти не было.

Сегодня погода была прекрасной, ветер мягкий, солнце ярким. Хунмэй не зная откуда нашла волан, Чжэн Цзюньсинь увидела и у неё разыгралось желание играть, она начала играть в волан с Хунмэй и другими.

Тан Линъи освободилась. Она позвала слугу принести из мастерской бумагу, тушь, кисть и тушечницу, встала перед столом и начала рисовать.

Она не видела, поэтому рисовала очень медленно, каждое касание кистью запоминала в сердце, проходило некоторое время, прежде чем она делала следующий штрих.

Звуки во дворе были громкими, доносились до чутких ушей Тан Линъи, но она не собиралась прерываться, наоборот, улыбнулась.

Эта улыбка захватила сердце. Чжэн Цзюньсинь легко подбежала, коснулась свежим букетом персиковых цветов нежной щеки Тан Линъи, утренняя роса ещё лежала на ярких лепестках, в этот момент они коснулись тёплой кожи, оставив прохладный влажный след.

Девушка тихо спросила:

— Рисуешь?

Тан Линъи:

— Ага.

Чжэн Цзюньсинь опустила голову и посмотрела:

— А-Лин такая крутая! Что ты рисуешь... двор? Похоже, не наша усадьба?

Рисунок был довольно простым: двор низкий, пространство узкое и тесное, земля из глины, черепица на крыше течёт. В центре двора одна комната, рядом посажено сухое дерево, дерево вьётся у окна, стоит поднять глаза — и увидишь.

— Ага, это место, где я раньше жила. — Тан Линъи опустила голову, смотря на рисунок, зрачки были расфокусированы, нигде не сходились в точку.

— А-Лин, тебе очень нравится там?

— Не скажу, что нравится, только это последний пейзаж, который я видела перед тем, как ослепла.

В глазах Тан Линъи словно проскользнула печаль. Чжэн Цзюньсинь вдруг обняла её, мягкое тело окружило со всех сторон, она утешала её как ребёнка:

— А-Лин, не бойся! Я тебя защищу! Монстры и чертики, быстро уходите, не трогайте моего А-Лин! Всё, монстры и чертики ушли, всё хорошо!

Ручка, поменьше её, взяла её руку, через некоторое время в её ладонь положили что-то мягкое с температурой.

Пальцы слегка коснулись этого чужеродного предмета, поверхность была из мягкой ткани, на месте запечатывания были складки, продеты две тонкие ленточки, на хвосте сплетены кисточки, на ощупь пухлое, похоже на ароматический мешочек.

— Этот ароматический мешочек мне подарила сестра, она сказала, если его понюхать, настроение становится лучше.

Чжэн Цзюньсинь потрогала мешочек, приняла решение и сложила её руку, чтобы она держала мешочек.

— Сейчас я дарю тебе мешочек, и ты не будешь больше не весёлой.

Мешочек был маленьким, но узор на нём был очень грубым, настолько грубым, что это нельзя было назвать вышивкой.

Легко сожмешь мешочек — внутри распространяется чистый аромат, свежий и приятный запах цветов османтуса кружился вокруг них, действительно успокаивал сердце.

Тан Линъи не знала, смеяться или плакать, но в сердце почему-то потеплело. Глупая девочка, хоть и глупая, но имела свой уникальный способ утешения. Про других она не знала, но её точно тронуло.

— Ага, я в порядке, глупая девочка, ты меня вылечила.

— А-Лин, Хунмэй они говорили, что «глупая девочка» — это ругательство, плохие слова...

Ещё не договорив, она была прервана Тан Линъи, та обняла её ещё крепче:

— У меня — нет.

Они обнимались долго, лицо у Чжэн Цзюньсинь стало горячим.

Тан Линъи это заметила и отпустила её.

Чжэн Цзюньсинь редко стеснялась, она бормотала что-то долгое время. Тан Линъи мягко погладила её по голове, показывая, что пусть продолжает говорить.

Чжэн Цзюньсинь глубоко вздохнула и сказала:

— А-Лин, вы можете не отправлять меня прочь? Я не хочу уходить отсюда.

Она выглядела такой обиженной, невольно в голосе прозвучала нотка каприза.

— Ты... — Тан Линъи немного удивилась.

— Я несколько дней назад играла с сёстрами в прятки, когда искала людей вдоль стены усадьбы, я видела, как Сяо Хун разговаривает с кем-то.

Она хотела подойти поздороваться, но тело само спряталось, даже сама не знала почему.

— Сяо Хун спрашивала красивого брата, нашёл ли он мою семью. Брат сказал, что нет, нужно ещё время. Но А-Лин, мне здесь очень нравится, нравятся здесь сестрёнки, нравится А-Лин, я не хочу уходить.

— Но ты же раньше всё время искала их? Это же причина, по которой ты сюда попала. — Тан Линъи неуверенно сказала.

— Да, раньше я была одна, видела, как другие дети на улице играют, за ними приходят взрослые, капризничают — дают конфету, плачут — их утешают, а у меня никого не было. Те дети говорили, что меня семья бросила, я не верила, они... точно были заняты, у них не было времени меня искать. Поэтому я хотела найти их и сказать этим плохим детям, что у меня есть семья! Но сейчас я знаю, что такое семья. Это А-Лин, Хунмэй, Сяо Хун, Лань-эр, тётя Шуан и ещё много хороших людей здесь, вы любите меня, жалели меня, делали вкусное, вы относитесь ко мне лучше, чем моя семья!

Она смотрела на А-Лин, подавляя ком в горле, боялась, что если А-Лин увидит её плачущей, то ещё меньше будет любить и прогонит.

Тан Линъи могла представить её с глазами, полными слёз, точно маленького белого кролика.

Её сердце немного опустилось, она поджала губы и тихо сказала:

— Может быть, твои папа и мама всё время ищут тебя и волнуются, если ты не вернёшься, они очень будут беспокоиться.